

УДК 81'38
ББК Ш105.551.5

ГСНТИ 16.21.27; 18.67.27

Код ВАК 10.02.01; 10.02.03

П. Пелех
Сосновец, Польша

P. Pielech
Sosnowiec, Poland

В. Д. Черняк
Санкт-Петербург, Россия

V. D. Chernyak
St. Petersburg, Russia

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В ПОЛЬСКОМ ФИЛЬМЕ
И РОССИЙСКОМ РЕМЕЙКЕ**

**INTERPRETATION OF CONTEMPORARY
REALITY IN THE POLISH FILM AND
RUSSIAN REMAKE**

Аннотация. Рассматриваются языковые средства изображения современной политической ситуации в двух содержательно связанных фильмах — польском («День психа») и российском («День учителя»). Анализируется общность ситуаций и средств их вербализации. Показаны роль языка СМИ в формировании картины мира, речевая агрессия как вербальная составляющая обоих фильмов, некоторые средства языковой игры в сатирическом изображении действительности.

Abstract. The article studies language means of the image of contemporary political situation in the two content-related films — Polish (“Day of the Wacko”) and Russian (“Protest Day”). The analysis refers to common situations and means of their verbalization. The role of media language in creating language picture of the world, verbal aggressiveness as the verbal component of the films, some forms of word play in satirical view of the reality are shown.

Ключевые слова: интерпретация действительности; средства вербализации; языковая экспрессия; язык СМИ; языковая игра.

Key words: interpretation of reality; means of verbalization; linguistic expression; media language; word play.

Сведения об авторе: Пелех Паулина, аспирант Института восточнославянской филологии.

About the author: Pielech Paulina, Post-graduate Student of the Institute of East Slavonic Philology.

Место работы: Силезский университет (Катовице).

Place of employment: University of Silesia (Katowice).

Контактная информация: Polska, 41-300, Katowice, ul. Bankowa, 12.
e-mail: paulina.pielech@gmail.com.

Сведения об авторе: Черняк Валентина Даниловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

About the author: Chernyak Valentina Danilovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language.

Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Place of employment: Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.

Контактная информация: 199004, г. Санкт-Петербург, В. О., 1-ая Линия, д. 52.
e-mail: vdcher@yandex.ru.

Способы вербализации действительности разными языками, отражение ментальности разных народов особенно отчетливо выявляются при сопоставлении одноименных (при переводе) или содержательно сходных текстов.

Предметом нашего рассмотрения являются формы интерпретации действительности и социально-политической ситуации в польском фильме «День психа» (режиссер М. Котерски, 2002 г.; для исследования вербальных средств в фильме использовались звуковой ряд и субтитры с переводом на русский язык) и его российском ремейке «День учителя» (режиссер С. Мокрицкий, 2012 г.). Режиссер популярной в Польше киноленты согласился предоставить сценарий своего фильма для переработки при условии, что С. Мокрицкий поместит его героя в российские реалии. В обоих фильмах показан один день из жизни учителя литературы, старающегося определить

свое место в сложном современном мире, утвердиться в нем.

Оба фильма иронически (а нередко и саркастически) демонстрируют проявление типичных национальных черт героя-интеллекта в новых для него условиях капиталистической системы. Для персонажей фильмов характерны комплексы и пороки их соотечественников. Психиатры могут увидеть у них отчетливые симптомы психического расстройства — невроза навязчивых собой, ощущают невозможность сделать что-либо, не знают, как жить дальше, и ждут, что счастье само придет к ним. «День психа» является одним из многих фильмов, интерпретирующихся средствами кино политическую действительность Польши. В этом контексте можно вспомнить, например, фильм «Рейс» М. Пивовского (1970 г.), который показывали в Великобритании во время учебных занятий по истории Восточной Европы

для объяснения польских реалий средствами политической сатиры [Jędrzejko, Głombik 1997: 99—124].

Автор оригинального сценария М. Котерски характеризует своего героя как симпатичного неудачника, который чаще является объектом действий в различных ситуациях, чем активным субъектом: он пассивен, почти как Обломов, и предъявляет большие претензии к жизни [Rzeczpospolita 1995.04.01—02]. На польских сайтах в любительских рецензиях мы находим главным образом положительные оценки фильма. Появляются формулировки такого рода: «...этот фильм не является смешным, он является правдивым до боли». У большинства поляков возникает ощущение, что это фильм о них.

При чтении материалов русских сайтов о польском фильме видно, что русские иначе воспринимают его, иногда — слишком непосредственно, иногда — с чувством отвращения. В позитивных комментариях авторы подчеркивают оригинальность замысла режиссера. На кинофорумах появляются замечания, подчеркивающие общность двух культур, сходство ситуаций и общность переживаний: «Фильм зарубежный, но очень близок нашей с вами действительности (ибо зарубежье недалеко), поэтому сопереживаешь герою еще сильнее».

Сильный эмоциональный отклик поляков на фильм М. Котерского объясняет их весьма скептическую оценку фильма С. Мокрицкого. Сложно представить себе другую реакцию на фильм, ведь для поляков Адашь — это в какой-то степени «герой нашего времени». Одним из главных упреков в адрес российского фильма было то, что зрители почувствовали в нем влияние цензуры, а это ослабило его выразительность, так взволновавшую польскую публику. У С. Мокрицкого всё выражено слишком мягко; рецензенты отмечают, что «эмоции держатся в узде». Действительно, внутренний мир героя закрыт, он не раскрывается ни вербально, ни другими средствами, в то время как герой «Дня психа» погружает зрителя в поток своей речи.

В России фильм «День учителя» не стал объектом активного обсуждения, но в то же время многие зрители хорошо оценивают работу С. Мокрицкого и главного оператора И. Малютина, благодаря которому в фильме присутствуют эпизоды, снятые в жанре анимации (фрагменты из криминального романа, который пишет герой). Сторонники российской версии заметили, что это талантливо показанная, трогательная и задевающая чувства история человека, пытающегося преодолеть начало заката собственной жизни.

Несомненная ценность фильма связана с художественным воплощением важных для страны событий и человека, запутавшегося в них. Сам режиссер во время кинофестиваля «Кинотавр» в 2012 г. в Сочи говорил, что невозможно просто перенести эпизоды польского фильма в постсоветскую реальность: у русских другие кумиры, другая ментальность, другие шутки. Изменилась и политическая ситуация: во время съемок российского фильма произошли события на Болотной и площади Сахарова. Создатели фильма не могли оставить своего героя в стороне и заставили его пройти сквозь Болотную.

Обратимся к языковым средствам отражения политических условий того времени, когда снимались фильмы.

В фильме «День психа» показана Польша до 2002 г. со всеми сложными проблемами того времени. Согласно данным Центра исследований общественного мнения, в 1988—2002 гг. картина польской жизни воспринимается в темных тонах. Около 50 % людей испытывали страх и неуверенность в завтрашнем дне, около 20 % — общее недовольство, отсутствие веры в какое-нибудь улучшение ситуации, около 15 % — апатию и смирение с судьбой. На негативное настроение в обществе влияли нестабильность на политической сцене, безработица (в том числе среди молодых людей), увеличение числа нищих, стагнация экономики, банкротство предприятий, отсутствие компетентной и правящей элиты.

Польский режиссер признался, что желание снять фильм вытекало из его личного опыта, из переживаний, связанных с серой действительностью и с критическим отношением к тому, как эта действительность преподносится средствами массовой информации. Приведем фрагмент из фильма, демонстрирующий восприятие обычным человеком того, что несут СМИ (чтобы не быть в одиночестве, Адашь ест в компании с телевизором): *Польша только наша! Только мы: Поляки! Есть только одна правда и я! Только мы правы! Одна есть правда... но она есть у нас! Безобразия! Безобразия! Bravo! Только моя правда верна... да и то святая правда. Позор! Bravo! Безобразия! Потому что даже если твоя, то моя правдивей, чем твоя. И именно моя правда есть правда наиправдивейшая! Bravo!*

Перед нами классический прием политической речи — манипуляция при помощи императивных конструкций. Дискуссии в Сейме создавали видимость диалога, в действительности же они являлись монологами, потому что оппонент не мог быстро

среагировать (*ad vocem*), он обязан был дожидаться своей очереди [Wydra 1994: 99]. Грубые слова создают паутину негативных реакций, в эту сеть через некоторое время ловится наблюдатель — рядовой гражданин.

Слова, которые звучат по телевизору, совсем не вписываются в общепринятые правила общения, политики не умеют слушать и перекрикивают друг друга. Суматоха в Сейме вызывает у Адася грустные размышления: *Сколько раз я обещал себе: „Я не буду трепать себе нервы из-за этого. Не буду интересоваться делами этой страны, на которые я совсем не имею влияния. Потому что уже ни во что не верю. Как я могу верить!? ... Вы можете и дальше говорить обещать, предрекать...“*. Многим явлениям в польской жизни Адася находит объяснение в повседневных ситуациях. От самых приземленных наблюдений в поезде он приходит к обобщениям: *С тех пор, как я себя помню, эти крышки унитазные всегда падали. Почему? Потому что в течение десятков лет одни безмозглые кретины под руководством других безмозглых кретинков размещают унитаз в поездах так близко к стене, что крышка, будучи поднята, наклонена в сторону унитаза и отпущенная, непременно упадет. Десятки лет... Иисус Христос наисвятейший! А если Польша и есть эта несчастная крышка?*

Негативные эмоции вербализуются экспрессивными средствами, когда Адася получает зарплату (обценная лексика, присутствующая в этом фрагменте, нами опускается): *Нет, в это нельзя поверить! Нет, это невозможно! Восемь лет в гимназии, четыре — в лицее, потом пять долбил науку, диплом с отличием, 20 лет практики, и вот что мне платят! Как будто дали мне в морду! <...> О! Братья полонисты, сестры полонистки! 130 было нас в первый год! Мы думали, что Бога схватили за ноги! Что нас приняли в школу поэтов! Школа поэтов! <...> Через пять лет тысячи дорог! Юность в библиотеке! А потом горе! Горе и разочарование! А затем безнадежность и старость изгоя! <...> Почему власть любой масти не ставит меня ни в грош!? Что красная, что белая — я для нее мусор! <...> Под каждой белой я чувствую себя как дворяня! Почему я не голник со штакетинной в руке!? Сразу начали бы считаться со мной, если бы я засветил кирпичом!*

Этот монолог, в котором соединены субстандартная лексика и лексика, связанная с романтическим восприятием действительности вступающего в жизнь человека, показывает ситуацию крушения надежд и полно-

стью соответствует результатам исследования настроений поляков, проведенного национальным Центром исследования общественного мнения. Даже через десять лет существования новой системы граждане не почувствовали значительного улучшения своего положения. Политическая элита оказалась в новой обстановке, с которой не сумела справиться. Употребление героем вульгаризмов, с одной стороны, — вызов тому, что происходит в окружающей действительности, с другой — это привычная форма выражения эмоционального состояния. Высокая степень эмоционального напряжения в обществе проявляется в речевой агрессии, которая чрезвычайно экспрессивно предстает в «молитве», произносимой соседями на своих балконах в конце фильма: *Вот я творю свою молитву к Богу, Марии и Сыну: уничтожьте этого сукина сына! Моего сородича, соседа, этого врага, этого гада! Чтоб ему обокрали гараж, чтоб ему изменяла старуха, чтоб ему сожгли магазин, чтоб получил кирпичом в башку, чтобы трахнулась дочка с черным и в целом, чтоб было все плохо! Чтобы имел СПИД и рак — вот молитва поляка!* Язык фильма демонстрирует «огрубление» речевого стандарта, «карнавализацию» языка [Химик 2005: 48].

Российский режиссер выпустил свой ремейк через 10 лет после создания польского оригинала. Ситуация в России в 2011 г. оказывается иной, и С. Мокрицкий воплощает это в своем фильме. Режиссер показывает Россию во время выборов в Государственную думу, в период президентской предвыборной кампании, протестов на Болотной площади и площади Сахарова. Первоначально он предполагал так и назвать кинокартину — «День протеста» (так заглавие было переведено на английский: «Protest Day»). Общество устало от стагнации, модернизационной риторики, не сопровождающейся реальными действиями, оно ждет перемен; в то же время власть потеряла способность вести эффективный диалог со своими гражданами, недооценивая перемены, происходящие в обществе.

Герой фильма «День учителя» Афанасий, как и поляк Адася, часто смотрит телевизор. Он случайно натывается на документальную программу о популярной писательнице А. Марининой. Возможно, именно это навело его на мысль написать детективный роман (с этим отчасти связано построение фильма).

Афанасий надеется, что погружение в словесное творчество поможет ему увидеть хоть какой-нибудь просвет в тупике безыс-

ходности. Между тем, оказавшись на демонстрации на Болотной площади, он слышит, как лидеры партий через мегафон выкрикивают лозунги: *Перед законом все должны быть равны!; Да здравствует новая, свободная, демократическая Россия.* Персонажи фильма вновь оказываются во власти политических штампов, повторяемых на протяжении двух десятилетий.

Представляют интерес появляющиеся на экране лозунги, как вполне традиционные для протестного движения («*Нет фальсификациям*», «*Честные выборы, независимые СМИ!*»), так и обытовленные, использующие субстандарт («*Люди! Давайте быть добрее, думать головой, иначе всем нам копец*»). Создатели фильма пытаются показать, что протест затронул самых обычных людей. Так, женщина держит в руках плакат: «*Я не оппозиция, я гражданин своей страны*». В протестных микротекстах очень сильным оказывается игровое начало (ср. лозунг, написанный на воздушном шарике: «*Меня надули*», где обыгрываются прямое и переносное значения глагольной лексемы).

Специфическими, отражающими особенности современной социокультурной ситуации в России, игру с новыми прецедентными текстами, понятными лишь тем зрителям, которые погружены в политический контекст, являются появляющиеся на экране лозунги «*Бандерологи против подполковника!!!*», «*Мы за честные амфоры!*». Эта культурно значимая информация может теряться при переводе; при просмотре фильмов с субтитрами зритель также теряет 30—40 % информации [Tomaszkiwicz 2006: 113]. Как замечает Е. В. Михалькова, именно в креативных материалах, в протестной идеологии, можно наблюдать формирование новых значений на базе знакомых выражений [Михалькова 2012: 127], что удачно показано в фильме «*День учителя*» и требует определенной лингвистической и культурной компетенции от зрителя.

Фильм «*День психа*» и его русский ремейк следует рассматривать через призму иронии и метафоры. Знаменательным в этом отношении эпизодом картины «*День учителя*» является визит Афанасия к проктологу. В процессе обследования врач спрашивает: «*А вы за кого голосовали?*». Педагог отвечает: «*Против всех!*»

Актуальной для обоих фильмов является проблема мигрантов. В польском фильме соседи героев показывают свое презрительное отношение к вьетнамцам, продающим

носки на рынке, а в русском фильме — к китайцам.

Таким образом, герои фильмов «*День психа*» и «*День учителя*» — представители двух разных культур, воспринимающие мир через призму собственного языкового опыта. Принадлежа к одной общественной среде, они живут в мире своей национальной литературы (не случайно в фильмах звучат слова из стихотворений А. Мицкевича и С. Есенина), пытаются донести ее ценности до учеников, но за свою работу получают мизерную зарплату. Они зажаты в тиски лишенной высоких ценностей, подчиняющейся законам коммерции жизни и пытаются найти хоть какой-нибудь просвет в тупике безысходности.

При всем различии национальных культур оба фильма демонстрируют сходные социокультурные ситуации, сходную шкалу ценностей. Этим объясняется то, что зрители из России, смотря польский фильм, видят в нем себя и своих соотечественников, и наоборот — поляки, хотя и отмечают, что ремейк уступает оригиналу по уровню сатирического отображения социально-политической действительности, видят в российском фильме отражение общих политических процессов. В обоих фильмах показано огромное влияние на человека СМИ. Человек становится рабом словесных клише и банальных формул, которые в избытке поставляются газетами, телевизионными программами, рекламой, листовками, он всё сильнее опутывается Всемирной паутиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михалькова Е. В. Дискурсивные особенности текстов плакатов на митингах оппозиции в Москве, проведенных в связи с выборами в Государственную думу РФ 4 декабря 2011 г. и выборами президента РФ 4 марта 2012 г. // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40).
2. Химик В. В. Современный городской фольклор и речевое творчество // Русистика и современность : материалы 7-й Междунар. науч.-практ. конф. — СПб., 2005. Т. 1.
3. Jędrzejko P., Głombik K. Z czego śmieją się Polacy? O granicach przekładu językowych mechanizmów satyry politycznej // Komizm a przekład. — Катовице, 1997.
4. Tomaszkiwicz T. Przekład audiowizualny. — Warszawa, 2006.
5. Wydra T. Leksykalne wykładniki impresywnej funkcji mowy w wystąpieniach sejmowych // Język a kultura. — Wrocław, 1994. URL: <http://www.lingwistyka.uni.wroc.pl/jk/JK-11/JK11-wydra.pdf>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова